

Реформація церкви и реформація образования

ЗА ПОСЛЕДНИЙ ГОД МНЕ ПРИХОДИЛОСЬ НЕ один раз слышать вопрос: а что Реформация предложила в области науки, экономики, искусства, образования, политики? Всякий раз я испытывал замешательство по одной простой причине: Реформация не готовилась как план с обдуманными задачами и предложениями. Реформация церкви не обязательно предполагала последовательность других реформаций, преобразования других сфер. Как верно замечает социолог Вольфганг Шлуктер, «это было скорее непреднамеренным результатом сознательного действия в *религиозной* сфере. То есть в основании этого «духа» лежали ценностно-рациональные ориентации»^[1]. Иными словам, здесь не стоит искать расчет или план. Здесь нужно искать, говоря словами социолога, новые «ценности». Но я предлагаю увидеть здесь даже большее — импульс духа или событие духа, которое происходит с нами, меняет нас, а затем и мир вокруг.

^[1] Вольфганг Шлуктер. Рациональність — специфіка Європи? / Культурні цінності Європи. — К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2014. — С. 266.

Влияния Реформации в названных сферах были результатами духовной революции, иногда результатами непреднамеренными и неожиданными, противоречивыми и трагичными. И все же, образование и наука — это та сфера, где влияние Реформации ощущалось и ощущается даже недоброжелателями. Реформация начинается с университетского профессора. Уже один этот факт обязывает нас задуматься глубже о связи между Реформацией как импульсом и отголосками в образовании. Примечательно замечание Ярослава Пеликана: «Мартин Лютер не выступал как политический или церковный деятель, он выполнял свои обязанности как деятель академический, когда 31 октября 1517 года выпустил свои 95 тезисов, приглашая (или провоцируя) своих коллег и всех желающих принять участие в дискуссии “относительно силы индульгенций”. За несколько лет до того он уже наметил главное направление реформаторского учения, подготавливая и читая лекции в Виттенбергском университете»^[2].

Очевидно, что в этих событиях история образования и история церкви сходятся так, что Реформация влияет на гораздо большее, чем церковные или образовательные сферы, она определяет и дух, и способ нового мышления. Напомню, что среди базовых европейских ценностей социологи выделяют специфическую,

практически ориентированную рациональность. И переломный момент в ее генеалогии совпадает по времени с Реформацией, когда «Было введено воспитание, которое радикально изменило отношение к профессиональному труду. Профессиональная деятельность, прежде всего профессиональный успех, обрела религиозную основу. То, как шли дела в повседневности профессионального труда, вдруг стало значимым для спасения»^[3].

Раньше призвание выводило за пределы мира, сейчас оно осуществлялось в преобразовании мира. Соответственно, задачей образования становится подготовка к осознанной реализации призвания внутри мира. Об этом переломе в христианской культурной традиции печалуетсЯ Новалис. В своем знаменитом эссе «Европа и христианство» он говорит о гибели высокого католицизма и пришествии протестантского прагматизма: «Увядает прекрасный цветок его юности — вера и любовь, и уступает место более грубым плодам — знанию и собственности»^[4].

То, что для романтиков кажется ругательными словами — «знание и собственность», — для новой эпохи становится главным содержанием. Доступные знания и личная собственность — основа новоевропейской цивилизации. И здесь связь универси-

^[2] Ярослав Пелікан. Ідея університету. Переосмислення. — К.: Дух і Літера, 2009. — С. 36-37. «Я вовсе не хотел этого делать и не хочу сейчас, — говорил он в 1530 году, поясняя, как стал реформатором, — я был вынужден занять эту позицию, когда вопреки собственной воле стал доктором Священного Писания (в 1512 году). С тех пор я, как доктор в общественном свободном университете, стал по указанию Папы и императора делать то, что должен делать доктор,

распространяя Писание по всему миру и научая всех. Если я оказался на этой должности, я должен на ней оставаться и не могу отречься ее или оставить с чистой совестью».

^[3] Вольфганг Шлухтер. Рациональність — специфіка Європи? / Культурні цінності Європи. — К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2014. — С. 268.

^[4] Новалис. Христианство и Европа // Новалис. Гимны к ночи. — М.: Энигма, 1996. — С. 156-188.

тета и рынка, аудитории и цеха далеко не случайна.

В своей фундаментальной работе «Цивилизация» история Нил Фергюсон подчеркивает эту связь:

«На основании ключевой мысли Лютера о возможности индивидуального изучения Библии, протестантизм поощрял грамотность, не говоря уже о книгопечатании, а вместе с научными исследованиями все это, безусловно, содействовало экономическому развитию (накоплению «человеческого капитала»). Возможно, самым большим вкладом религии в историю западной цивилизации стало то, что протестантизм побуждал Запад не только работать, но и копить и читать»^[5].

Это же можно сказать о роли протестантов в освоении новых, незападных территорий: «Где бы не появлялись протестантские миссионеры, они продвигали образованность с долгосрочной пользой для обществ, которые они пытались просветить. Там, где протестантских миссионеров не было, население тех же колоний имело несравнимо более низкий уровень грамотности»^[6].

Мы должны спросить: почему так, почему и как богословские идеи протестантизма связаны с новой философией образования? Корне-

лий Плантинга отвечает так: «Христиане-реформаторы, как их стали называть, всегда были убеждены, что получить образование — это один из способов подготовиться к служению в Божьем Царстве»^[7].

Иными словами, «Смысл всей этой учебы в том, чтобы быть готовым сделать свой собственный вклад в величайший проект реформирования, которым является Божье восстановление всего того, что испорчено злом»^[8].

И Лютер, и Кальвин совмещали в себе церковное и профессорское призвание. Но последнему удалось предложить наиболее целостную, интегральную систему христианского мировоззрения, осью которой стала идея предопределения. Как утверждал основатель Свободного университета Амстердама и премьер-министр Голландии Абрахам Кайпер, «Любовь к науке в этом высоком смысле, то есть к единому постижению мира, обеспечивается нашей кальвинистской верой в Божие предопределение»^[9]. Иными словами, главный принцип кальвинизма прямо связывается с духом науки: «Вера в такое единство, стабильность и порядок, относящиеся к личности как предопределение, или к мирозданию — как установление Божие, разбудила, словно колокол, любовь к науке»^[10].

которого он стал реформатором в церкви и университете. Вот как его суммирует лютеранский богослов Ганс Шварц: «Лютер пришел к реформаторскому прорыву, когда понял две вещи: 1) Бог не есть мстительный и злой Бог, ибо Он явил нам свою любовь во Христе и 2) мы не можем оправдаться перед Богом, ибо Он уже оправдал нас во Христе. Это доверие к Божьей милости, открывшейся нам во Христе, вернуло Лютеру хладнокровие, довольно редкое в те времена» (7, 271-272). Здесь акцент не на *уверенности*, но на *доверии*.

^[10] Там же. — С. 139.

^[5] Нил Фергюсон. Цивилизация. Як Захід став успішним. — К.: Наш формат, 2017. — С. 344-345.

^[6] Там же.

^[7] Корнелий Плантинга. Сообразуясь с Божьим миром. Христианский взгляд на веру, познание и жизнь. — СПб.: Мирт, 2006. — С. 7.

^[8] Там же. — С. 8.

^[9] Абрахам Кайпер. Христианское мировоззрение. Лекции по кальвинизму. — СПб.: Шандал, 2002. — С.136-137. Признаюсь, мне больше по душе опыт Лютера, исходя из

Кайпер приводит интересную иллюстрацию в качестве доказательства внутреннего родства кальвинистской веры и страсти к науке и образованию: «Одной славной страницы из истории кальвинизма достаточно, чтобы доказать это. Эта несравненная по своей красоте страница его истории, или, скажем лучше, истории

Лейденского университета. Дать в качестве высшей награды университет тем, кто в страшной борьбе изменил ход мировой истории, может только народ, у которого сам принцип жизни включает любовь к науке»^[11].

То, что называлось в теологии предопределением, в науке называлось

«Христиане-реформаторы всегда были убеждены, что получить образование – это один из способов подготовиться к служению в Божьем Царстве». «Смысл всей этой учебы в том, чтобы быть готовым сделать свой собственный вклад в величайший проект реформирования, которым является Божье восстановление всего того, что испорчено злом».

человечества, — осада Лейдена более трех столетий назад. В сущности, герцог Альба и принц Вильгельм Оранский определяли, сражаясь, будущий ход мировой истории. В конце концов, Альбе пришлось уступить, а Вильгельм Молчаливый развернул знамя свободы над Европой. Если вы спросите меня, какое отношение это имеет к науке, я отвечу: за такую отвагу голландские провинции одарили Лейден не орденами, не титулами, не золотом или почетом, а школой наук — университетом Лейдена, который прославился на весь мир. Вы знаете, что в Голландии изобретены телескоп, микроскоп и термометр; из-за чего и стала возможной эмпирическая наука, достойная своего наименования. Но самое очевидное, самое убедительное доказательство — учрежде-

законосообразностью. На этом надежном основании можно было строить стройное здание научного знания. На фоне эпохи кальвинизм действовал принципиально и решительно, прокладывая путь от уверенности богословской к категоричности научной. Вот как этот путь представляет Кайпер:

«Вспомните, что в те дни, когда кальвинизм расчищал себе дорогу, шаткое полупелагианство настолько притупило убежденность в единстве, стабильности и порядке, что даже Фома Аквинский в немалой мере утратил свое влияние, а скоттисты, мистики и эпикурейцы наперебой пытались сбить человеческий разум с его устойчивого пути. Нетрудно понять, какой совершенно новый импульс научным исследе-

^[11] Там же. — С.134-135. Стоит обратить внимание на замечание историка А. Андреева: «Основание Лейденского университета долгое время не признавалось императором и имперскими князьями, и даже объявлялось незаконным, но ничто из этого не могло воспрепятствовать его развитию. В итоге в XVII–XVIII в. Лейден естественным обра-

зом влился в систему протестантских университетов, а его докторские степени признавались по всей Германии (и даже в России, где с середины XVIII в. образовалась традиция посылать молодых врачей за степенью доктора медицины именно в Лейденский университет)».

дованиям дал новорожденный кальвинизм, когда одним могучим движением образовал порядок из хаоса, обуздав дисциплиной духовную распущенность, положив конец колебаниям между различными мнениями и вместо зыбкого тумана явил нам картину горного потока, несущегося по упорядоченному руслу к океану»^[12].

Кальвинизм сделал науку не только возможной, но и независимой, оспорив власть и цензуру церкви. Мир вновь стал интересным. «В Средние века внимание к космосу ослабело, чтобы мы думали только о будущей жизни, и лишь один кальвинизм, не теряя из виду духовного, воскресил естественные науки»^[13]. Ругая Средние века и прославляя кальвинистскую реформацию, Кайпер рискованно утверждает, что «один Аристотель знал больше о мире, чем все отцы Церкви, вместе взятые; что под господством ислама наука процветала больше, чем в кафедральных и монастырских школах Европы; что повторное обретение произведений Аристотеля было первым толчком к обновленному, хотя и довольно ущербному, изучению природы; и, наконец, что только кальвинизм благодаря своему доминирующему принципу, который постоянно побуждает нас возвращаться от креста к творению, и, в не меньшей степени, своей доктриной об общей благодати, снова от-

^[12] Там же. — С. 139-140. Интересно читать у Кайпера, как внутренняя перемена выразилась в интеллектуальной культуре: «В сочинениях того времени вы встретите такую твердую определенность, такую энергию мысли, такой всеобъемлющий взгляд на жизнь. Я даже рискну сказать, что в мемуарах знатных женщин и переписке необразованных людей проявляется то единство мировоззрения, которое наложило на все их бытие какой-то научный отпечаток.

крывает для науки просторы мироздания, теперь уже озаренные Солнцем Праведности, в Котором, согласно Писанию, сокрыты все сокровища премудрости»^[14].

Здесь реформаторская мысль переходит от темы личного спасения к масштабу целого — Божьей славы в природе, Откровения в истории, красоты творения, искупления и восстановления мира. «Конечно, наше спасение очень важно, но его не сравнить с весомостью Божией славы. Бог открыл Свое величие в Своем великолепном творении, оно — Его создание. Когда творение запятнал грех, открылся путь к еще более славному откровению о его восстановлении»^[15]. Вот почему спасение не отменяет, но вновь делает выполнимой первую задачу человека — познавать и управлять творением согласно «культурному мандату» Творца, ведь «Ищущий Бога кальвинист ни на минуту не подумает ограничить себя теологией и созерцанием, оставляя неверующим другие науки. Он должен познать Бога во всех Его делах и знает, что призван охватить всей силой разума и земное, и небесное, обращая взор и на порядок творения, и на «общую благодать» Бога, перед Которым он преклоняется, видя Его и в природе со всеми ее чудесами, и в созданиях рук человеческих, и в жизни людей, в жизни общества, в истории человечества. Теперь вам понятно, как догма «об-

В практической жизни они стремились обуздать свое сознание и руководящую роль доверяли не юмору или прихоти, не фантазии или случаю, а только величию высшего принципа, в котором они видели объяснение своего существования и которому посвящали всю свою жизнь».

^[13] Там же. — С. 141.

^[14] Там же. — С. 141.

^[15] Там же. — С. 143.

^[16] Там же. — С. 149.

щей благодати» сразу сняла запреты, наложенные на мирскую жизнь, понимая, конечно, всю опасность односторонней любви к мирским знаниям^[16].

В своей заботе о мире Реформация сближается с гуманизмом: «В той степени, в какой гуманизм стремится подменить вечную жизнь жизнью в этом мире, каждый кальвинист будет

линейный прогресс, и взаимное понимание»^[18].

Не случайно, университетская автономия была частью секуляризационной программы. Реформация предполагала последовательное освобождение мирских сфер от церковного контроля (но не от церковного влияния).

Когда творение запятнал грех, открылся путь к славному откровению о восстановлении творения. Вот почему спасение не отменяет, но вновь делает выполнимой первую задачу человека – познавать и управлять творением согласно «культурному мандату» Творца.

ему противостоять. Но в той степени, в какой гуманист довольствуется надлежащим изучением мирской жизни, кальвинист будет ему союзником»^[17].

Характерно, что, сближаясь с гуманистами в интересе, внимании и заботе о мире и человеке; встречаясь в пространстве университета с оппонентами, реформаторы требовали автономии для этого научного пространства:

«Если, в соответствии с требованиями кальвинизма, Церковь и государство уйдут из университетской жизни (я говорю не об их щедрых дарах, а об их власти), чтобы университет мог развиваться на своей собственной основе, разделение, которое уже началось, будет совершаться само собой и беспрепятственно. И станет очевидным, что только мирное разделение приверженцев противоположных принципов обеспечивает прогресс, под-

«Люди забыли или не поняли, что интеллектуальное восприятие и размышления о мироздании, в чем и состоит всякая наука, образуют сферу, совершенно отличную от Церкви. Это зло было остановлено Реформацией и преодолено кальвинизмом, преодолено официально, поскольку кальвинизм упразднил монархическую иерархию в самой Церкви... Диплом доктора в их системе получал свою значимость не в силу общественного мнения или согласия папы, не по причине церковного установления, а только в соответствии с научным характером учреждения»^[19].

Иногда автономия от церкви заканчивалась зависимостью от князя, но со временем сами князья поняли преимущества независимых школ. Вот как описывает это процесс историк Андрей Андреев:

«В университете изменение конфессии по указу государя могло привести к конфликту: самый известный случай этого рода – насиль-

^[17] Там же. – С.144.

^[18] Там же. – С.165.

^[19] Там же. – С.151.

ственная «кальвинизация» Гессен-кассельским ландграфом Морицем университета в Марбурге в 1605 г., которая вызвала массовый исход отсюда профессоров-лютеран. Возможность повторения подобных конфликтов привела на рубеже XVII—XVIII вв. князей к мысли о выгодах поддержания в университетах веротерпимости, т. е. запрещения взаимных обвинений в ереси и, соответственно, лишения богословского факультета прав цензуры. Тем самым, протестантские университеты получили дополнительное подкрепление своей научной свободы. Надо сказать, что перед властями в Германии длительное время стоял выбор между цензурным вмешательством в университетское преподавание или предоставлением ему полностью самостоятельного развития, и все-таки в итоге победило мнение, что свободная мысль влечет движение вперед, неизбежно принося пользу и процветание своему государству»^[20].

^[20] Андрей Андреев. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. — М.: Языки славянской культуры, 2009. — 648 с. Андреев хорошо показывает, что первые протестантские университеты были в первую очередь политическими и религиозными проектами: «Первым основанным после начала Реформации протестантским университетом стал Марбургский в 1527 г. Он открылся по указу гессенского ландграфа Филиппа Великодушного, принявшего лютеранство. Основатель долгое время был политическим лидером протестантских князей, поддерживал контакты с Меланхтоном, поэтому первые профессора пришли в Марбург из Виттенберга. Но дальше нужно было проводить экзамены на ученые степени, формируя следующее поколение профессоров, преподающих «новую веру». О папской привилегии на это, гарантирующей признание ученых степеней нового универ-

Эта автономия университета от церкви, новые отношения между знанием и верой, наукой и религией встречали и встречают яростную критику поборников старины. Здесь интересно лаконичное и поэтичное замечание Новалиса:

«Лютер вообще произвольно трактовал христианство, исказил его дух и ввел другую букву и другую религию, именно общедоступность Священного Писания, и тем самым в религиозные дела, к сожалению, вмешалась другая, в высшей степени земная наука, — филология, чье иссушающее влияние с этого времени становится несомненным. Это возведение было в высшей степени пагубно для религиозного чувства, ибо ничто не иссушает сильнее внутреннюю жизнь этого чувства, как буква»^[21].

То, что Новалис называет филологией, было господствующей научной парадигмой того времени, общим подходом гуманистов и церковных реформаторов. Внимание к древним и современным национальным языкам,

ситета во всем западном мире, конечно, не могло быть и речи. Поэтому Филипп Великодушный использовал весь свой политический вес, чтобы получить эту привилегию у императора, и это ему удалось в 1541 г. Второй протестантский университет, Кёнигсбергский, был открыт в 1544 г. в землях секуляризованного Тевтонского ордена, где образовалось герцогство Пруссия. Последний магистр ордена и первый прусский герцог Альбрехт Гогенцоллерн в 1525 г. перешел в лютеранство, принес вассальную присягу Польше и затем основал университет, получивший его имя — *Academia Albertina*, а в 1561 г. польский король Сигизмунд Август, известный своей веротерпимостью и покровительством протестантам, подтвердил права университета своей привилегией».

^[21] Новалис. Христианство и Европа // Новалис. Гимны к ночи. — М.: Энигма, 1996. — С. 156-188.

бурное развитие «свободных искусств», распространение книгопечатания, изучение и критика источников были нужны и церкви, и университету.

С филологии все начиналось — люди начинали читать Библию, понимать ее смыслы, извлекать практические уроки, руководствоваться ей в своей повседневной жизни. Отсюда один шаг к идее всеобщего образования. Если каждый может читать Библию, то каждый может и должен учиться читать. Если искупление охватывает все творение в целом, то благословенными становятся и естественные науки, и анатомический театр, и таинственная математика, и политическая теория.

Благодаря реформаторскому импульсу расцветают старые и новые науки, университет становится гораздо большим, чем площадкой для диспутов богословов и философов. Образование становится подготовкой к профессиональному труду, и наряду с университетами вырастают академии, училища, гимназии. Историки отмечают рост снизу: «Характерно, что в Германии XVI—XVII в. сеть протестантских школ росла в первую очередь за счет гимназий, а не университетов»^[22]. Так образование шло в народ — вслед за Библией и Реформацией церкви. Стоит отметить, Лютер и Меланхтон поработали не только над пакетом идей для реформ университетов, но также разработали предложения для начального образования в сфере «светских наук» («свободных

искусств»), «полезных и для церкви, и для общества», которые после были закреплены законодательно и легли в основу первой протестантской школьной системы^[23].

Какая идея двигала все эти преобразования? На мой взгляд, идея простая и очевидная — по крайней мере, для Лютера: «Реформировать образование необходимо уже для того, чтобы миряне могли читать и понимать Писание для самих себя, но также могли подготовиться к своему призванию в обществе»^[24]. И все же, как мне кажется, что эта простая идея реформаторов XVI века остается для нас пока невыполненным призывом и завещанием.

Выводы

В нынешний юбилей Реформации принято напоминать, что Реформация была университетским движением, в котором церковные процессы и научные исследования усиливали друг друга. В своем «Переосмыслении университета» Ярослав Пеликан утверждает, что толчком к Реформации был кризис университета, а потому и дальнейшее развитие Реформации в значительной степени связывалось с университетом: «Список иностранных студентов, которые учились в Виттенберге на протяжении XVI в. — в самое бурное десятилетие с 1554 по 1565 годы лишь из одной Польши здесь обучалось 11 студентов — читается как список будущих реформаторов со всей католической Европы»^[25].

^[22] Андрей Андреев. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. — М.: Языки славянской культуры, 2009. — 648 с.

^[23] Arthur F. Holmes. Building the Christian Academy. — Grand Rapids: Eerdmans, 2001. — 63 p.

^[24] Arthur F. Holmes. Building the Christian Academy. — Grand Rapids: Eerdmans, 2001. — 58 p.

^[25] Ярослав Пеликан. Идея университету. Переосмысления. — К.: Дух і Літера, 2009. — С. 37.

Через образование идеи Реформации распространяются повсеместно, проникают во все сферы культуры и общественной жизни. Церковная система закрывалась для новых идей, но университеты служили их распространению — не всегда через принятие, иногда через дискуссии и конфликты, но служили.

Связь церковной реформации и университета не была случайной. Я думаю, что нам, дальним родственникам и наследникам Реформации, и сегодня не обойтись без университета.

Профессор Гилберт Мейлендер видит в событиях той Реформации важные уроки для нашего времени и предлагает свои 9.5 тезисов (именно так, не 95, гораздо скромнее, всего лишь 9.5), в которых есть и простота веры, и трезвая самокритичность. Реформаторам наших дней нужно и то, и другое. Он подчеркивает: “Возлюбить Бога разумом означает не только искать, но и находить. Нашей величайшей опасностью является погруженность в постоянный анализ и оценивание, в которых теряется простота. Но стремление к простоте, стремление находить и быть найденным, не означает мыслить некритически. В служении этой задаче нам понадобятся все силы нашего критического интеллекта, и мы должны научиться несогласию без пренебрежения. Научиться говорить: “Я не знаю”. Мейлендер напоминает, что “Церковная догматика” Барта не была завершена, как и “Сумма теологии” Святого Фомы” (причем в последнем случае это было сделано сознательно)”^[26].

^[26] Gilbert Meilaender. 9.5 Theses // First Things. Oct. 2017. <https://www.firstthings.com/article/2017/10/95-theses>

^[27] “To see through all things is the same as not to see.”

Возлюбить Бога разумом без самоуверенности и гордости, без нетерпимости и фанатизма — важное пожелание сегодняшним реформаторам (чуть было не сказал реформатам, но на самом деле это касается всех).

Это предполагает такое влияние на образование, в котором найдут место и интеллектуальная сила, и трудно оспоримый моральный авторитет; в котором евангельская вера сможет вполне выразиться в приемлемых научных и культурных формах.

Реформация церкви и реформация образования были движимы импульсом к всеобщему охвату — всех сфер общества, всех научных дисциплин, всех призваний и профессий, всех социальных групп.

Европейская Реформация втягивает в научно-образовательную революцию все общество, всех нас. Элиты не исчезают, но теперь элиты можно формировать через образование и «правильную веру». Образование становится общественной силой и приоткрытой возможностью для самых разных групп.

Но отказываясь от наследия Реформации, всеобщее образование теряет свою основу. Место школы и университета как сообществ занимает Google как сеть и копилка информации. Даже если мы там что-то находим, там же мы теряемся, теряем себя. Как говорил Льюис, «видеть сквозь все вещи — то же самое что не видеть»^[27].

Теперь образование кажется лишним. Все меняется слишком быстро. И быстрее всего узнать о случившихся переменах можно из Интернета. Тем более важным представляется напомнить об образовании как формировании человека согласно образу Божь-

му, соединить знание и веру, открыть целостную картину мира перед нашими инфантильными всезнайками, научить не только поиску знаний, но и благоговению перед тайной, смиреннию перед Богом, послушанию Его слову.

Но такую же целостную картину мы должны открыть и для наших церквей. Напомнить им о перспективе Царства, вне которой примирить церковь и университет вряд ли возможно. Историки христианского образования с ностальгией вспоминают романтизм первопроходцев-пуритан, для которых «В образовании ничто не имело значения, кроме Царства Иисуса Христа; но ради Царства обретало смысл и все прочее»^[28]. В этом целостном видении деление на «христианское» и «секулярное» упразднялось^[29] ради того, чтобы утвердить господство Христа во всем мире и во всяком познании.

Сегодня нам не хватает такого целостного и дерзновенного видения, такой веры и такого воображения. Юбилей Реформации вновь напоминает нам о том, чем держится мир, его образ и образование — верой, Словом, благодатью. Нам вновь надлежит совершить возвратное движение «назад к истокам», обновить свой взгляд на образование, обрести лютеровскую уверенность в основаниях наших семинарий и университетов, что они могут «стоять» и выстоять. Вспоминать Реформацию нужно так, чтобы продолжить ее, ведь, как задумчиво

говорит Корнелий Плантинга, «Одно дело — основать христианский университет, и другое — сделать так, чтобы этот университет оставался христианским»^[30]. Вспоминая об основаниях, давайте вместе думать о том, как можно сохранить наше наследие, как вновь соединить церковь и университет, примиряя их в перспективе Царства.

Литература

- Arthur F. Holmes. Building the Christian Academy. — Grand Rapids: Eerdmans, 2001. — 122 p.
- Gilbert Meilaender. 9.5 Theses // First Things. Oct. 2017. <https://www.firstthings.com/article/2017/10/95-theses>
- Rick Ostrander. College matters to God. — Abilene: Abilene Christian University Press, 2012. — 141 p.
- Абрахам Кайпер. Христианское мировоззрение. Лекции по кальвинизму. — СПб.: Шандал, 2002.
- Андрей Андреев. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. — М.: Языки славянской культуры, 2009. — 648 с.
- Вольфганг Шлукхтер. Рациональність — специфіка Європи? / Культурні цінності Європи. — К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2014. — С. 249-279.
- Ганс Шварц. Христианская вера и традиция Лютера. — М.: ББИ, 2017. — 290 с.
- Корнелий Плантинга. Сообразуясь с Божьим миром. Христианский взгляд на веру, познание и жизнь. — СПб.: Мирт, 2006. — 205 с.
- Ніл Фергюсон. Цивілізація. Як Захід став успішним. — К.: Наш формат, 2017. — 488 с.
- Новалис. Христианство и Европа // Новалис. Гимны к ночи. — М.: Энигма, 1996. — С. 156-188.
- Ярослав Пелікан. Ідея університету. Переосмислення. — К.: Дух і Літера, 2009. — 360 с.

^[28] Rick Ostrander. College matters to God. — Abilene: Abilene Christian University Press, 2012. — 39 p.

^[29] Там же. Не только реформатам, но и многим баптистам нравится то, что «пуритане не делали различия между «христианскими» и «секулярными» предметами, поскольку

ку видели это частью единого Божьего мира, который мы как творения должны познавать и которым должны наслаждаться».

^[30] Корнелий Плантинга. Сообразуясь с Божьим миром. Христианский взгляд на веру, познание и жизнь. — СПб.: Мирт, 2006. — С. 10.